

УЧЕНИЕ ВЕНИАМИНА АЛЕКСЕЕВИЧА СНЕГИРЕВА О СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

TEACHING OF BENJAMIN A. SNEGIREV ABOUT THE SUBSTANTIALITY OF THE HUMAN SOUL

V. Bondarenko

Summary. The article examines the doctrine of Benjamin A. Snegirev, as set out in his work «On substantially of the human soul». It is shown that the philosopher relies on the extra-empirical preconditions of scientific knowledge, belonging to the Eastern Christian tradition. Using the method of comparative analysis and logical reasoning, as well as data from empirical experience, he comes to the conclusion that psychology as a positive science can be built solely on the dualistic grounds of theism, related to the notions of a special psychic substance as an amateur beginning manifested in the phenomenon of consciousness.

Keywords: soul, matter, identity of personality, consciousness, existence, proof, truth.

Бондаренко Виктория Викторовна

К.м.н., с.н.с., доцент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)
bondarenko.vv@dvfu.ru

Аннотация. В статье анализируется учение В. А. Снегирева, изложенное в его работе «О субстанциональности человеческой души». Показано, что философ в своем исследовании опирается на внеэмпирические предпосылки научного знания, принадлежащие восточной христианской традиции. Методом сравнительного анализа и логических рассуждений, а также с помощью данных эмпирического опыта он приходит к выводу о том, что психология как положительная наука может быть построена исключительно на дуалистических основаниях теизма, связанных с представлением об особой психической субстанции как самостоятельного начала, проявляющегося в феномене сознания.

Ключевые слова: душа, материя, тождество личности, сознание, бытие, доказательство, истина.

Вениамин Алексеевич Снегирев (1842–1889) по праву принадлежит к плеяде выдающихся мыслителей Казанской духовной академии в пору ее расцвета. Богатство личностных дарований Вениамина Алексеевича и его вклад в развитие отечественной традиции академического теизма трудно переоценить. Можно со всем основанием утверждать, что он является «зеркалом» своей эпохи; воплощая универсальный идеал непротиворечивого сочетания деятельной религиозной и научной позиции [6, с. 208; 15, с. 18]. В работах современных исследователей жизненного пути и творческого наследия философа-теиста В. А. Снегирев предстает перед нами как разносторонний ученый-энциклопедист, талантливый педагог, успешный организатор, который способен не только оставить глубокий след в истории философии, но опираясь на передовые рубежи достижений мировой науки, способствовать модернизации православного сознания [17, с. 264, 266; 19]. Для отечественной научной традиции вопрос о потребности в таких подвижниках духа всегда стоит не просто актуально, но остро [9, с. 78–79]. Основная сфера его научных интересов — психология, которая в пору своего становления наряду с логикой являлась одним из разделов философского знания [13, с. 451; 19, с. 587]. Сама по себе проблема души, ее происхождение и природа до настоящего времени остается краеугольным камнем антропологии как религиозно-философской, так и научной, которые исторически сосуществуют или на принципах синер-

гии — взаимодополнительности, или антагонизма. Способ этих отношений предопределяет результат научного поиска, который или сохраняет принадлежность научной традиции, или уже прямо может быть охарактеризован как паранаучное, оккультное знание. До настоящего время окончательно не решен вопрос о собственном предмете психологии как отдельной научной отрасли. По-прежнему актуален поиск научной парадигмы, базирующейся на онтологических предпосылках, способных расширить границы познания при условии сохранения ценностного статуса науки как таковой. По нашему мнению, традиция академического теизма XIX — начала XX вв., ярким представителем которой является В. А. Снегирев, в этом смысле обладает уникальным эвристическим потенциалом.

Как отмечает Н.К. Гаврюшин, акцент на проблеме личности становится значимым в традиции казанского академического теизма в эпоху, связанную с преподавательской деятельностью архим. Феодора (Бухарева)⁴ [2, с. 284]. Важно отметить, что в 1866 году выходит в свет исследование молодого автора Ф. Дмитриевского «Современное положение вопроса о субстанциональности души», в котором метафизические основания духовной жизни человека раскрываются как парадигмальная составляющая психологической науки в целом [3]. Своей

⁴ В 1854–1857 гг.

работой «О субстанциональности человеческой души»⁵ представленной в контексте философского дискурса Декарта о *cogito ergo sum* В. А. Снегирев продолжает актуальную для своего времени проблематику — отношение души и тела, души и сознания, которая в дальнейшем находит свое отражение и развитие в споре Вл. Соловьева и Л. М. Лопатина о субстанциональности души, а также в тех точках зрения на этот спор, которые в XX веке обозначили основные направления разработки проблемы соотношения души и личности [4, с. 501; 7]. Вообще вопрос субстанциональности личного духовного начала является краеугольным камнем всего творческого наследия, оставленного философом-теистом В. А. Снегиревым и с нашей точки зрения имманентно связан с содержанием принадлежащей ему фундаментальной богословской диссертации [18]. Современник Снегирева, М. Вержболович характеризует его подход как «психологический индивидуализм» [1, с. 459], который раскрывается через обоснование тесной связи души и тела, воплощающей собой представление о личности, которой имплицитно присуще самосознание.

Современные исследователи, рассматривая личное субстанциальное начало как организованную ткань душевных явлений и их идей, выделяют ключевые подходы, характеризующие религиозно-философскую традицию, к которой принадлежит казанский мыслитель, а именно: рассмотрение души как сферы внутренней реальности, признание психического мира человека как некоторой самостоятельной сущности, утверждение непрерывности процесса сознания и отрицание бессознательных психических явлений, признание тезиса о тождестве веры и знания, признание свободы воли у человека [5, с. 39–41; 6, с. 206; 10, с. 71–72].

Решение вопроса о духовной реальности философ-теист связывает с внеэмпирическими основаниями научного знания, раскрывая универсальный характер проблемы доказательства бытия как такового [13, с. 445–446]. При этом ясно выражается позиция самого ученого о природе описываемого им явления. Профессор-теист прямо заявляет о субстанциональном характере особого существа — души — как самостоятельного начала, лежащего в основе внутренней жизни человека. По мнению исследователя, истина бытия души как субстанции стоит в ряду ограниченного количества необходимых истин. Они становятся очевидными — без всяких доказательств, будучи ясно и отчетливо поняты. Безразлично, сомнение в истине бытия духовных или материальных явлений с точки зрения Снегирева, зависит не от недостатка доказательств, а от волевой установки, от неумения или просто нежелания осмыслить и понять ее несомненность [11, с. 279]. Таким образом, со всей

очевидностью философ демонстрирует нам связь между верой и образом знания, которое оказывается предпочтительным в силу исходной мировоззренческой установки [12, с. 3–4, 6; 13, с. 441; 14, с. 136]. В дальнейшем эта позиция становится своеобразной точкой отсчета возможных вариантов философского дискурса в попытке решения экзистенциальной проблемы

Истина бытия души, как полагает В. А. Снегирев, может быть явлена со всей очевидностью и научно обоснована совершенно естественным образом — путем здравого смысла, т.е. обыкновенного человеческого рассуждения, который в данном случае только и может, что опереться на опыт самонаблюдения [12, с. 8–9; 13, с. 427, 433]. Тем не менее, критерием истины представления души особым существом служит колоссальный исторический опыт всех времен и народов [15, с. 19]. Непосредственное осознание каждым присутствия в себе силы мыслящей, волнующейся, желающей, приводящей в движение тело, сознание себя неделимым центром этой силы представляет собой «простое самооткрытие души», которое профессор В. А. Снегирев называет техническим термином «свидетельство сознания». По его мнению, этого свидетельства сознания для ума «простого», не привыкшего к глубокому анализу, вполне достаточно, чтобы убедиться в истинности идеи души как особого существа. С точки зрения профессора-теиста, прямо данный через наблюдение и необходимый факт внутренней жизни является следующим убедительным моментом. Для его обозначения усваивается технический термин «единство или тождество личности». Раскрывая содержание этого факта простыми и наглядными примерами, Снегирев указывает, что с течением времени при внешних изменениях организма, вплоть до неузнаваемости, при изменении всех обстоятельств жизни, человек все-таки сознает себя одним и тем же по существу — тем же, что и прежде. Таким образом, это наблюдение очевидно и убедительно свидетельствует простому сознанию человека, что при всеобщем непостоянстве и изменчивости мира, захватывающем его телесную составляющую, «внутри его остается неизменной, всегда себе равной какая-то другая часть, другое существо, отличное от его тела» [10, с. 67; 11, с. 280].

Последовательно аргументируя свою позицию, исследователь дополняет свидетельство сознания и наблюдения тождества личности хотя и случайными по своему характеру, но не менее значимыми фактами: видение призраков, иллюзии, галлюцинации, сновидения, в которых душа проявляется как самостоятельное, активное, действующее, движущееся начало «при полной неподвижности тела, видящая без глаз, слышащая без ушей, говорящая без помощи языка и т.п.» [11, с. 281; 14, с. 481; 15, с. 148; 16]. По мнению философа, описанные им «средства здравого смысла, на пути к сознанию оче-

⁵ Опубликовано в 1891 году после смерти автора

видности и необходимости истины субстанционального бытия души, соединяясь вместе, проясняя и подкрепляя друг друга создают непоколебимую, стихийную, уверенность в бытии души, ясное, спокойное, ничем не смущаемое созерцание этой истины, во всей ее очевидности и необходимости, стоящей выше всякого сомнения и доказательств» [11, с. 281].

Но исследователь не ограничивается этим, казалось бы, самоочевидным выводом, а смело идет в своих рассуждениях дальше, прямо постулируя и детально развивая возможные возражения с позиции условно оппонировавшего ему убежденного скептика — материалиста. Обращает он внимание и на тот факт, что непосредственное сознание дает поводы к заблуждениям, которые могут касаться одинаково наших внешних и внутренних впечатлений. В качестве примеров приводится непосредственно наблюдаемое движение Солнца вокруг Земли или исключительно субъективное чувство голода. Мало того, как указывает мыслитель, при строгом научном исследовании сама непосредственность свидетельства сознания о реальности бытия души оказывается не действительной. Возвращаясь к проблеме, связанной с невозможностью доказать факт бытия вообще, В. А. Снегирев проецирует ее на сферу духовную, показывая, что сознание в своей основе оказывается результатом сложной, несознаваемой деятельности мысли, а идея души — отвлечением, поскольку не дается прямо и непосредственно. То же, по мнению автора, можно сказать и о другом факте непосредственного и простого сознания очевидности истины бытия души, — тождестве личности, связанным с признанием неизменности основы душевной жизни. Философ предлагает альтернативный способ объяснения природы этого наблюдения — тождеством и однородностью некоторых внутренних состояний. Что касается видений душ умерших и духов, то он заключает следующее: для науки эти явления не очевидны [11, с. 282–283; 15, с. 19].

Необходимо признать, что последовательность и строгость мысли, простота и стройность мотивации, не зависят от того, какую из альтернативных позиций выбирает философ. Выстроенная таким образом аргументация представляется чрезвычайно убедительной, но истина одна и есть, как оказывается, другое средство привести ум от релятивизма к очевидности особой душевной субстанции. Мыслитель предлагает шествовать за ним испытанным путем отвлеченно-философской традиции, который только и может привести философскую, научную мысль к искомому единственно правильному заключению. По мнению Снегирева, дуализм, очищенный христианством — путь великих: Платона, Декарта, Канта. На этом пути утверждается непоколебимая уверенность в реальности особого начала — душевного и признание лежащей в основе душевной жизни особой

субстанции, отличной от материи и ей противоположной [11, с. 283].

Какими бы противоположными не казались по своему существу духовное и материальное начала, но объединяет их нечто, одна и та же проблема, решение которой с необходимостью предполагает переход в религиозно-философский дискурс [12, с. 7]. Исключительно тварность как онтологическое качество обуславливает реальность этого мира во всем многообразии его проявлений. Мир получает свое начало только через акт творения. Тем не менее, данный постулат, являясь личным убеждением православного теиста, не озвучивается им, но лишь становится внутренним оплотом уверенности в своей правоте. Оставаясь на позициях реализма, философ апеллирует исключительно к эмпирическому опыту и здравому смыслу, логически последовательно обосновывает неполноту и внутреннюю противоречивость позиции монизма как материалистического, так и идеалистического. С точки зрения В. А. Снегирева и материализм, как и крайний идеализм, есть «метафизическая греза», «чистое отвлечение» [11, с. 288].

По мнению философа-теиста, чрезвычайно важным является то обстоятельство, что существует исторический пример, так сказать, жизненного практического воплощения идеалистической традиции, который мы находим в культуре мысли индуизма. Аналитический ум, следовательно, способен остановиться на представлении о том, что весь мир внешний есть система наших идей и только, т.е. состояния внутренние, состояния сознания. Причина всех этих состояний — некая неведомая, недоступная уму сила, которая опять-таки есть наша мысль, идея, состояние нашего духа и ее бытие вне нас не может быть доказано. Описанный процесс и его выводы положены в основу мирозерцания индийской традиции. Согласно этим представлениям, ввиду однообразия призрака, называемого внешним миром, у всех людей, и вследствие признания человеческого духа проявлением высшей реальности — процесс его построения перенесен был в ум Браммы. Мир материальный оказался грезою Браммы, его призраком, по своему существу. Профессор В. А. Снегирев обращает внимание и на тот факт, что «самый блистательный период умственной жизни Европы — с Фихте до Гегеля включительно» тоже связан с идеалистическим построением, когда, опираясь на законы мысли, человек совершает попытку понять внешний мир как реальность, независимую от него, находит очевидно существующими только свои идеи и жизнь духа, их производящего и испытывающего [11, с. 285; 15, с. 297, 307, 314]. Таким образом, по мере все более последовательных и напряженных размышлений материальное вытесняется на периферию сознания и материя, оказываясь исключительно принадлеж-

ностью духовных процессов, не имеющих объективной реальности, разрешается в «призрак» — в процесс субъективный.

Итак, идеализм представляется В. А. Снегиревым не иначе как «философская греза», хотя и в высшей степени естественная, поэтому совершенно закономерна его дальнейшая эволюция в прямую противоположность — материализм [15, с. 11]. Действительность внешнего мира вторгается насильственно в человеческое сознание, являя себя со всех сторон и вынуждает признать свое бытие, а с тем вместе и бытие своей основы. Истина бытия внешнего мира и его постоянно меняющегося, движущегося, делимого, сопротивляющегося начала — материи, истина эта является очевидной, т.е. неизбежной, необходимой, а потому не требующей доказательств.

В. А. Снегирев полагает, что ясное сознание реальности духа и внешнего — материи становится доминирующим после общего увлечения крайним идеализмом, как например, в цветущий период греческой науки — эпоху Платона и особенно Аристотеля или уже в 19 веке у его современников после крайнего увлечения германским идеализмом. Но как отмечает исследователь, подобное равновесное состояние ума обычно сохраняется недолго. Как правило, сосредоточение внимания на внешнем материальном мире и веществе приводит ум мыслящий к другой, диаметрально-противоположной крайности — «материализму». Произойти это может независимо от предшествующего идеалистического отрицания материи, как это было в Греции до Сократа и Платона у таких мыслителей как Фалес, Анаксимен, Гераклит, Эмпедокл, Демокрит [11, с. 286; 14, с. 441].

Чрезвычайно интересными представляются дальнейшие размышления В. А. Снегирева, касающиеся истоков и закономерностей развития материализма современной ему эпохи. Мыслитель отмечает вторичный характер этого явления — это материализм, который «явился за рядом идеалистических построений» [11, с. 287]. По сути, он характеризует доминирующую психологическую установку как разочарование и презрение к недавним идеалам, которые воспринимаются уже как крайность [15, с. 21]. В этом случае реакцией на крайнее увлечение идеализмом становится не просто забвение того, что было истинного и необходимого, но стремление умышленно избежать той точки зрения, которая дала повод к развитию отрицания материи. Отрицание, потеря интереса к своему внутреннему миру быстро приводит к забвению опыта яркого, отчетливого переживания и осознания реальности мыслящего духа. Вопрос о явлениях душевных или духовных и их последней причине сразу превращается в вопрос об их очевидности. По отношению к душевному и душе ум становится на ту точ-

ку зрения, на какой при других условиях он становится к миру материальному и материи: он сомневается в реальном их бытии. И далее, как мы уже не раз убеждались, неотразимая логика подсказывает один и тот же вывод, что доказать бытие их никак нельзя.

Однако, как указывает мыслитель, исходные позиции в этих случаях различны. Материалистический подход основан только на предположении о реальности бытия всего материального, т.е. веру в него. Тогда как в идеализме отправным моментом является непосредственное наблюдение, т.е. факт опыта [14, с. 54]. Раскрывая содержание материалистической концепции природы душевной жизни, В. А. Снегирев — метафизик демонстрирует движение мысли, замкнутой в мире необходимости, отрешившейся от собственных существенных оснований, когда явления душевные рассматриваются исключительно во взаимосвязи с физическими и реализуются, очевидно, только в материи и через материю [12, с. 14]. Тем самым произвольно полагается линейная связь между простыми и сложными психическими актами и их материальными носителями. Отсюда простой акт — ощущение есть движение в нервной системе; идея есть отраженное движение в полушариях большого мозга; группа идей, ряды их и сама душа суть группы и ряды движений мозга — и только. Заметим, тогда как в трактовке В. А. Снегирева позиция крайнего идеализма, вытесняя материальное на периферию сознания, требует в этом смысле постоянного усилия и оставляет возможность, так или иначе, ощутить свою причастность к внешней реальности. В случае материалистической установки какой-либо компромисс исключается вовсе: чем более однозначно человек рассуждает в данном направлении, тем необходимее ему представляются эти положения и вывод, что никакого другого начала, кроме материи, нет и не нужно [16, с. 118, 142–143]. Однако, признавая за несомненным, что душевные явления всегда происходят и возникают под влиянием физических, материальных, даже зависят от них, философ настаивает, что при этом нет никакой необходимости делать отсюда вывод, что душевное создается, порождается материальным и материей [16, с. 124]. Мало того, по его мнению, вывод этот не законен, не правилен и с строго научной логической точки зрения — невозможен [11, с. 293; 16, с. 131, 136–137, 147, 164].

Важным представляется замечание философа о том, что в его время приверженность материализму, очевидно, приобретает «эпидемический» характер, т.е. представляет собой общественное движение, увлекающее массы мыслящих людей, которые не просто не могут, но «и не хотят стать на другую точку зрения» [11, с. 288; 12, с. 11–12]. Еще, вероятно, не представляя себе всех возможных последствий, связанных с коренной мировоззренческой ломкой общественного сознания, про-

исходящей у него на глазах, В.А. Снегирев выражает сдержанный оптимизм, поскольку убежден, что человеческая история не знает народа, который бы положил эту односторонность в основу всей своей жизни. Он предполагает, что, вероятно, такого народа и не будет никогда, поскольку момент всеобщего утверждения материалистического мирозерцания неизбежно означает начало падения и гибели, разложения общества. Трагически для нас россиян звучат слова ученого, искренне полагающего, что материализм как теория, абсолютно не допускает проверки опытом жизни. Притом, по его мнению, идеализм, заключающий в себе большую долю истинного, плодотворен, настолько, «насколько в нем истины» [11, с. 288; 15, с. 16].

Мы невольно задаемся вопросом, в этом случае, когда очевидно, что материалистическая позиция, как мировоззрение не вполне удовлетворяет строгим требованиям поиска истины, а вместе с ней и блага, в чем же тогда состоит ее привлекательность, очевидно в первую очередь для многих образованных и серьезно размышляющих людей? Ответ на этот вопрос профессор В.А. Снегирев излагает исчерпывающе и убедительно: в силу господствующего уклада, наша жизнь начинается и продолжается подавляющим преобладанием физического над душевным или духовным. По преимуществу внимание приковывается к внешнему миру, где находятся предметы, удовлетворяющие наши потребности. Внутренний мир открывается гораздо позднее и отчасти. Другими словами, отсутствие в обществе развитой духовной традиции, по мнению В.А. Снегирева, в значительной степени препятствует усвоению навыков личного духовного опыта, привычки к внутреннему самоконтролю. Наблюдение внешнего легко и большею частью приятно. Тогда как наблюдение своей внутренней жизни для огромного большинства даже высокообразованных людей всегда тяжелый труд. Следовательно, делает вывод философ, материальное и материя всегда кажется и должно казаться нам чем-то более ясным, понятным и определенным, чем дух — душа. Но, по его мнению, обе эти идеи по существу одинаково темны и трудно представимы, одинаково необходимы [11, с. 290].

Исследовав два противоположные процесса мысли, лежащие в основе двух мирозерцаний, как было показано, одинаково возможные, одинаково законные и правильные логически в своих конечных результатах, В.А. Снегирев постулирует следующие выводы: а) бытие самостоятельного материального не может быть доказано, — материи потому нет, или, по крайней мере, она может быть мыслима как продукт деятельности духа; б) бытие самостоятельного духовного не может быть доказано, — души нет, или, по крайней мере, ее можно мыслить как продукт деятельности материи. Он продолжает свою мысль: следовательно, или нет ни духа, ни материи,

так как они оба могут быть отрицаемы; или они оба существуют, не могут быть сведены одно на другое, как противоположные по своим свойствам, но не доступные уму в своем абсолютном бытии. Первый вывод равен положению — все есть ничто, или ничего-собственно нет. Таким образом философ-теист иллюстрирует ограниченность человеческого ума, последовательно приходящего к очевидному абсурду [11, с. 291].

В качестве последнего вывода, как вполне необходимого и само собой разумеющегося мыслитель заключает, что дух и материя — два отдельных самостоятельных начала, оба несомненно существующих, оба непостижимых в своей сущности для человеческого ума. Принимая общепринятый характер мышления, сосредоточенный преимущественно на материальном и внешнем, нежели на внутреннем и духовном, очевидность бытия души или духа, как особенного начала он выражает следующей формулой: если существует материальная субстанция, то необходимо нужно признать и существование субстанции духовной. Таким образом, в качестве системообразующего начала психологии как своего рода естественной науки, которая должна всесторонне описать, классифицировать и объяснить все душевные явления, носитель традиции духовно-академического теизма XIX — XX вв. В.А. Снегирев предлагает исключительно идею особого самостоятельного, отличного от материи начала или существа [10, с. 89; 12, с. 21–22]. Итак, основа душевных явлений есть особое начало, особая субстанция. Что это такое это начало или субстанция, какова его природа — это может быть выяснено при строго-научном исследовании самих явлений и их законов, заключает мыслитель [11, с. 294; 12, с. 34].

В своей работе «О субстанциональности человеческой души» В.А. Снегирев демонстрирует незаурядные познания в области философии, логики, психологии, метафизики. При этом ученый однозначно поддерживает интенции, направленные на разделение философии и богословия. Тем не менее, изучая его наследие, мы убеждаемся, что религиозное сознание, оплодотворяя все силы человеческого духа, неизменно порождает философское и научное творчество. Таким образом, задолго до формирования психологии как отдельной отрасли научного знания профессор В.А. Снегирев предопределяет ее начала — предмет и метод. Отдавая дань необходимости строго следовать путем эмпирического познания даже в такой области как наука о человеческой душе и жизни духа, он остается верным принципам естественнонаучной традиции, изящно и обоснованно разрешает все возможные противоречия и трудности. Чрезвычайно импонируют простота и убедительность — самые яркие свойства своеобразного научного стиля философа В.А. Снегирева. Социально-политическая проблематика так же волнует православного теиста, побуждая его ис-

кату скрытую мотивацию в поведении больших групп людей, являющихся носителями господствующей мировоззренческой традиции.

Закончить наше исследование хотелось бы выразительными словами его ученика В.И. Несмелова:

«Мистик высокообразованный, он искал живого Бога, вечно живой личности человеческой и мира высшего за пределами чувственного, феноменального бытия, и требовал доказательств всего этого действительных, реальных, а не тех, которые предлагали схоластика и идеализм» [8, с. 154].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вержболович М. Обзор главнейших направлений русской психологии // *Вера и разум*. 1895. Т. 2. Ч. 1. С. 455–487.
2. Гаврюшин, Н. К. Антропология в свете гносеологии: В. А. Снегирев и В. И. Несмелов // *Русское богословие. Очерки и портреты*. — Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2011. — С. 284–294.
3. Дмитриевский, Ф. Современное положение вопроса о субстанциональности души. Казань, 1866 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 56. 63 с.
4. Казарян А. Т. Душа // *Православная энциклопедия*. Т. 16. М., 2012. С. 440–502.
5. Кольцова В. А. Психология в России начала XX века (предреволюционный период) // *Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории* / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1997. 576 с.
6. Костригин А. А. Богослов и психолог В. А. Снегирев о субстанциональности души // VI Международной конференции молодых ученых «Психология — наука будущего». 19–20 ноября 2015 года, Москва / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. — С. 205–208.
7. Лопатин Л. М. Понятие о душе по данным внутреннего опыта. Реферат, читанный в заседании Психологического общества 16 марта 1896 г. // *Вопросы философии и психологии*. М., 1896. Кн. 32. С. 264–298.
8. Несмелов В. И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева // *Православный собеседник*. 1889. № 5. С. 97–154.
9. Пишун С. В. Проблема примирения философии и богословия в духовно-академическом теизме: взгляд православных догматистов // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2015. № 4. С. 78–81.
10. Снегирев В. А. Науки о человеке // *Православный собеседник*. 1876. Т. III. С. 62–89.
11. Снегирев В. А. О субстанциональности человеческой души // *Вера и разум*. 1891. Т. 2. Ч. I. С. 279–294.
12. Снегирев В. А. Психология. Систематический курс чтений по психологии. Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1893. 700 с. [Электронный ресурс] / Электронная библиотека «Научное наследие». — Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10077270> (дата обращения 27.07.2017).
13. Снегирев В. А. Психология и логика как философские науки (Из вступительных чтений в курсы психологии и логики) // *Православный собеседник*. 1876. Т. II. С. 427–451.
14. Снегирев В. А. Сон и сновидения // *Православный собеседник*. 1875. Т. III. 441–492; 1876. Т. II. С. 51–78, 136–180.
15. Снегирев В. А. Спиритизм как философско-религиозная доктрина // *Православный собеседник*. 1871. Т. I. С. 12–41, 279–316; Т. III. С. 9–51, 142–172.
16. Снегирев В. А. Физиологическое учение о сне и сновидениях // *Православный собеседник*. 1882. Ч. II. С. 117–164.
17. Соловьев А. П. Философские исследования в научно-богословском журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник» (1855–1912) // *Христианское чтение*. 2017. № 2. С. 252–275.
18. Учение о лице Господа Иисуса Христа в трех первых веках христианства / Соч. воспитанника Казан. духов. акад. Вениамина Снегирева на степ. магистра богословия. Казань: Унив. тип., 1870. 299 с.
19. Цвык И. В. Снегирев Вениамин Алексеевич // *Русская философия: Энциклопедия* / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Книжный Клуб «Книговек», 2014. 832 с.

© Бондаренко Виктория Викторовна (bondarenko.vv@dvfu.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

